

Живьем на медленном огне... | Brûlé vif

Author: Людмила Клот, [Женева](#) , 31.03.2009.

Продолжая цикл публикаций к 500-летию со дня рождения великого протестантского реформатора Жана Кальвина, показываем его в новой ипостаси - убийцы.

|
A l'occasion du 500ème anniversaire de la naissance de Jean Calvin, le Musée International de la Réforme nous fait découvrir un autre point de la vie du célèbre réformateur protestant - l'"affaire" Michel Servet.

Brûlé vif

...Девять последних лет перед смертью Кальвин в своих проповедях, статьях, книгах и даже инструкциях для студентов то и дело возвращался к мысли: «Еретик должен был умереть!» Кажалось, совесть поджаривала его изнутри на медленном огне, и тот, кого называли женевским диктатором, хотел доказать себе, другим и Богу правильность своего поступка.

История навсегда свяжет их имена. Великий религиозный мыслитель Мишель Сервет (в испанском варианте его имя читается как Мигель Сервет) был приговорен к сожжению живым в Женеве по приказу Жана Кальвина.

Сервет родился в один год с Кальвином - в 1509, в Испании, в городе Вилланова близ Сарагосы. Как падающая звезда, он угодил на стык культур, национальностей и религий. Рядом была Андалузия - последнее арабское королевство на территории Европы. В регионе, помимо испанцев, жило множество мусульман и евреев, торговцев, крестьян, официально они были обязаны принять христианство, но втайне сохраняли свою религию. Сервет вырос в атмосфере насильственной католизации и с пылом испанского солнца своего детства всю жизнь пытался растопить границы между религиями, изобретая новое христианство, которое сделало бы всех счастливыми. Это превратило его в общего врага для католиков, реформаторов, евреев и мусульман, а в конечном итоге, священный огонь добрался и до него самого.

В 14 лет Сервет - ребенок феноменального интеллекта. Отец посылает его на кафедру правоведения в университет Тулузы. Говорят, в дальнейшем Сервет познал всю мудрость мира - в 16 веке это было еще возможно. Он овладел обширными знаниями в области географии (сам ее преподавал в колледже Парижа), математики, астрономии и, наконец, медицины. Сервет был профессиональным врачом. Развил идею о существовании и способе работы малого круга кровообращения, почерпнув ее из трудов Авиценны, чем показал себя не только как врач-практик, но и как ученый своего времени, который в совершенстве освоил арабский язык и культуру.

Кроме испанского, Сервет свободно владел французским, ивритом и греческим языками (с греческими теологами был в корне не согласен, а вот медицину очень ценил), а все свои книги писал на латыни. Современные теологи находят, что слог у Сервета был живой и ясный.

По стилю своего таланта он мог бы стать гениальным интернет-журналистом, а еще лучше - блоггером. Судите сами: стоило Сервету написать книгу и издать ее ничтожным средневековым тиражом, как она сразу же становилась причиной полемики! Похоже, Сервет обладал гениальным даром провоцировать диспуты, в наше время информационных атак цены бы ему не было. За одни заголовки его сразу же хотелось убить: «Ошибки Троицы» - это в то время, когда триединство бога-отца, сына и святого духа принималось как нерушимый постулат веры.

Вторая его книга вышла в ответ на доктрину кальвинизма под названием «Institution de la religion chrétienne» - «Установление христианской религии». В пику реформатору, книга Сервета называлась не больше не меньше, «Restitution de la religion chrétienne» - «Восстановление христианской религии», в ней автор призвал вернуться к истокам библии, отбросив все неверные интерпретации.

В юности два теолога-спорщика договорились встретиться в Париже. Сервет назначил встречу на старейшей улице Сент-Антуан, а сам... не пришел. Вся дальнейшая история словно бы вышла из этой фатальной неустрахи.

Они переписывались, обсуждая религиозные вопросы. Через несколько лет этой переписки Кальвина уже трясло от одного имени противника. Сервет же хотел приехать в Женеву и устроить публичные дебаты. Кальвин признается лучшему другу Гийому Фарелю: «Если мое слово и репутация что-то значат в этом городе, он не уедет отсюда живым». В это время Сервет, словно ничего не подозревая, делает язвительные пометки на полях трудов Кальвина и возвращает их автору.

Забавно, что стиль споров Сервета был чисто средневековым: он мог в запале назвать собеседника ослом, бараном, собакой, да «так и продолжать, пока не переберет всех животных скотного двора, и только потом переходить к аргументам», - вспоминали его оппоненты. Кальвин в таких публичных оскорблениях не нуждался.

Сервет много путешествовал, жил в Париже, Базеле, Страсбурге, поначалу хорошо принятый, был вынужден покинуть все эти города из-за конфликтов с городскими властями по религиозным вопросам. Дольше всего Сервет прожил в городе Виенна под Лионом. Он стал главой цехового братства врачей Сан-Люк, личным доктором архиепископа. В 16 веке Виенна - могущественный город, куда более значительный, чем Женеву, так что Сервет, намереваясь приехать в гости к Кальвину, как бы снисходил с высоты своего положения и карьеры.

Сервет подумывал было жениться, но отказался от этой идеи, так как сам утверждал, что не может иметь детей. Что ж, доктору виднее... Зато, как и Кальвин, он невероятно много работал. Долго искал издателей для

«Восстановления христианской религии» - выражаясь современным языком, дураков не было. Никто не хотел связываться с опасными мечтаниями: ах, как хорошо было бы, если бы католиков убедить слегка развенчать свою Троицу, иудеев - пересмотреть роль бога-отца, а мусульман - чуть «подвинуть» пророка.... Синкретизм шел по греховности чуть ли не впереди атеизма, в 16 веке за такое могли и казнить.

Наконец, книга выходит под прозрачными инициалами «MSV», что означает «Мишель Сервет из Вилланова». Опустим интригу с предательством книгоиздателей, в результате которой Сервета заключают в городскую тюрьму (оттуда ему удастся бежать, по слухам, при помощи дочери губернатора). Книгу приговаривают к сожжению на городской площади, автора - к тому же заочно.

Сервет бежит, несколько месяцев скрывается. В июле 1553 года он оказывается в Женеве. Последним местом, куда он зашел в качестве свободного человека, была небольшая церковь Мадлен в Старом городе, несколько десятках метров вверх от современных трамвайных линий. Беглый философ преклонил колени на прохладные церковные камни... Проповедь в этот момент читал не кто иной, как сам Жан Кальвин. Тот узнал Сервета и кликнул стражу.

Каким образом Кальвин опознал Сервета - ведь в 16 веке не было фотографии, а на портретах эпохи все шевалье и ученые с бородой походили друг на друга как братья? Мистика, да и только. Стража схватила Сервета и поместила его за решетку. По законам того времени, если один горожанин выступал с обвинением против другого, он должен был также идти в тюрьму и ожидать там суда. Кальвин, фактический управитель Женевы, не мог позволить себе так растрачивать драгоценное время. Конечно, Кальвин был крайне неприхотлив в быту и, доведись ему спать на камнях и есть сухой хлеб, он бы даже и не заметил! Он и умер-то от болезней, связанных с истощением и переутомлением от работы. Но в камеру, соседнюю с Серветом, он отправляет своего секретаря.

Сервет провел в тюрьме четыре месяца, его практически не кормили, условия гигиены были ужасны. Парадоксально, но при такой нищете тела духовная жизнь богослова была неограниченной: ему приносили все запрашиваемые книги, перо и бумагу, Сервет писал статьи и передавал их на волю. Говорят, такова была стратегия Кальвина: он хотел воспользоваться пометками на полях книг, которые сделал Сервет, чтобы понимать ход мыслей противника и на этом строить свое обвинение.

Кальвин навещал Сервета в тюрьме, но того, что современники называли бы «конструктивным диалогом», у них не сложилось. Принято считать, что под конец Кальвин и Сервет провели публичный религиозный диспут. Но ни в каких источниках свидетельств этой открытой схватки двух умов нет. Приговор был прочтен перед так называемым Малым городским советом. В Большой совет входило тогда 200 депутатов, а в Малый - лишь приближенные Кальвина. Сервет вел себя как обычно: вызывающе. День казни был назначен на 23 октября (по другим данным - на 27 октября) 1553 года.

Казнь прошла в квартале Шампель. О подробностях ее стараются не упоминать. Один из современных теологов пишет, что это было «отвратительно»: поленьев для костра запасли мало, в сырое и промозглое октябрьское утро они плохо разгорались, так что Сервет не сгорел в быстром пламени, а, фактически, много часов умирал от

медленного огня. Ему приписывают произносимые в момент смерти фразы: «О, я несчастный, не могу даже окончить мою жизнь! Двести монет, которые вы у меня забрали, золотая цепь, которую вы сорвали с моей шеи, недостаточны для покупки дерева, чтобы меня поджарить!.. Великий Бог, прими мою душу!.. Иисус, сын Божий, смилостивься надо мной!...»

В 1903 году ему был воздвигнут памятник в Женеве. Существует также улица имени Мишеля Сервета, на ней расположен медицинский факультет женевского университета.

От редакции: Следующая встреча из цикла конференций, подготовленных [Международным музеем Реформы](#) к 500-летию Жана Кальвина, состоится 2 апреля, в четверг, в Соборе Святого Петра. Начало в 20 часов. Тему ее «Был ли Кальвин кальвинистом?» раскроет Бернар Коттрэ, доктор филологических наук, профессор университета в Версале.

Статьи по теме:

[Письма влюбленного Кальвина](#)
[Женева](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/zhivem-na-medlennom-ogne>